

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
9 (7 2)

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 6 2

КИНДИТЫ И ЛАХМИДЫ В V В. И НАЧАЛЕ VI В.

Необходимость пересмотреть вопросы истории доисламских арабов стала особенно острой за последние десятилетия. Эта необходимость стала очевидна с того времени, когда сирийские источники V—VII вв., современные этому периоду, перестали быть недоступными благодаря изданию собрания сирийских авторов.¹ Интерес к ним как к трудам, содержащим важный исторический материал, а не как к памятникам теологическим, возник, однако, гораздо позднее. Наряду с сирийской литературой значимость приобрели и южноарабские надписи, особенно большое число которых было открыто в 50-х годах. Введение новых групп источников в научный оборот было начато нами еще в 1937 г., и с того времени в наших работах мы неоднократно возвращались к вопросу об арабах, их роли на Ближнем Востоке, в частности в связи с нашим исследованием истории Южной Аравии. В настоящее время явилась настоятельная необходимость объединить эти новые данные, сопоставив их с уже известными источниками, и попытаться воссоздать историю арабов в период, предшествующий возникновению ислама.

В прежних работах нами отмечалось, какое большое значение имело постепенное образование буферных арабских государств, появившихся на смену Пальмире и Осроене, которые были разбиты и покорены Римом. В IV и V вв. лахмиды заняли прочное положение в среднем и нижнем течении Тигра; их связь с племенами Аравийского полуострова и с сасанидским Ираном укрепляла их положение и обеспечивала тыл, благодаря чему у них были развязаны руки для нашествий на византийские пределы. Особое значение имела периферия обеих великих держав и необозримые пространства пустынь, которые пролегли на юг от их культурных областей. Поэтому и делались постоянные и настойчивые попытки проведения дорог и обеспечения их безопасности, а также строительства отдельных крепостей, фрурий, которые составляли линию укреплений — *limes*, двойным кольцом опоясывавшую границы империи. Если ближайшая по территории граница оберегалась очень тщательно гарнизонами небольших крепостей, чему способствовала их связь между собою, а также большими укрепленными городами, то вторая линия границы была особенно тяжела для защиты.

¹ *Corpus scriptorum christianorum orientaliun. Scriptores syri. Series III.*

Арабские племена, кочевавшие или стабилизовавшиеся на некоторое время у границ Византии, находились на том уровне социального развития, который определяется как племенной союз. Одним из условий существования этих военных объединений арабских племен были войны, которые они вели, отмечаемые основоположниками марксизма как характерный признак определенного уровня социально-экономического развития общества. Война и „ограбление соседних народов“ становились важнейшим способом обеспечения жизни и деятельности господствующей верхушки племенного союза.

Сложность отношений с арабскими племенами для Византии заключалась еще и в том, что в результате различных действующих сил не раз имела место смена господствующего племени или рода. В зависимости от событий, происходивших в Центральной и Южной Аравии, на север приливали новые племена и неизбежно возникали новые отношения, требовалось заключение новых условий и соглашений, так как пришельцы стремились занять положение соплеменников, установивших эти связи до них.

Чтобы обеспечить относительное спокойствие Византии, необходимо было выискивать возможности опоры и защиты от нападений арабов в их собственной среде. Отсюда союзы, договоры, привлечение на службу и другие способы соглашения с племенами, утвердившими свое господство в тот или иной период в прилегающих областях. Более того, племенами арабов на территории византийских провинций — Палестины 1-й, 2-й, 3-й и провинции Аравии — правили их же шейхи, „филархи“ и „базилевсы“ византийских источников, „малики“ сирийских историографов. Вопрос о значении термина „филарх“ и о содержании этого понятия в различное время, на разных этапах развития отношений между арабами и Византией и, наконец, у различных историков подлежит рассмотрению в дальнейшем.

Важно отметить, что эти племена самоуправлялись, были автономны в пределах своей племенной жизни, подчиняясь собственному обычному праву, установившейся у них патриархальной традиции, военному строю племени. Возглавлявший их племенной вождь при кровно-родственных отношениях пользовался признанием как глава рода, однако неизбежно намечалась и тенденция к выборному началу. В противовес этому развивалось и другое: назначение вождя при поддержке сильной державы — Сабы, Ирана или Византии, — что являлось нарушением примитивного племенного демократизма.

Арабы, в свою очередь, подвергались глубокому воздействию культуры государств и народов, с которыми они приходили в соприкосновение. Материальная культура великих держав Востока оказывала свое воздействие на них, но прекрасные образцы искусства Мшатты говорят о своеобразном, оригинальном искусстве у арабов и до ислама. Они приобщались к духовной культуре, в чем следует отметить особенно большую роль сирийцев, из рук которых арабы получили христи-

анство, письменность и книги. Для империи важным методом сближения с „варварскими народами“ вообще была христианизация, которая проводилась применительно и к гуннам, и к славянам, и к арабам.

Общие черты политики Византии в отношении арабов в IV в. в значительной мере сохранились и в V в. Сведения о них имеются у ряда историков, в отдельных сообщениях агиографов. Большого доверия заслуживают сведения Малалы, который и вообще является все еще недостаточно оцененным источником для истории VI в. Очень важные сведения бесспорно содержат исторические труды Прокопия. Последовательно возвращается к сведениям об арабах Феофан. Как писатель VIII в., он вполне учитывал их значение, будучи свидетелем расцвета халифата. В ряде случаев Феофан употребляет неопределенное общее название — арабы-скиниты, под которыми он, очевидно, подразумевает арабов кочевого состояния, не оседлых и не имеющих постоянного места жительства, а располагающихся в палатках. Но тот же Феофан называет собственные имена шейхов и филлархов арабов, их племенные прозвания, благодаря чему в отдельных случаях есть возможность поставить их в связь и с данными восточных источников. Среди последних следует отметить как нарративные, так и эпиграфические памятники на арабском языке. Сообщения хроник и летописей неоднократно вызывали сомнения и недоверие исследователей. В настоящее время в ряде случаев можно видеть, что традиция эта таила зерно истины. Южноарабские надписи повторяют имена и документально подтверждают события, о которых имеются смутные воспоминания у хронистов. Исторические сабейские надписи IV и V вв. также представляют особую ценность для восстановления событий, связанных с передвижением арабских племен с юга на север. Они позволяют датировать изменения, происходившие в составе племен на северной границе их распространения, уяснить столкновения их между собою и взаимоотношения с мощными державами. Особенно интересен тот факт, что „цари Сабы, Зу Райдана и Химьяра“ вели активную политику на всем Аравийском полуострове, воздействовали на племена центральных областей, в своих походах достигали Неджда и считали своими противниками лахмидов в Ираке.

История киндитских племен протекает в нескольких географически отдаленных друг от друга областях. В этом сказывается характерная черта миграции арабских племен, при сохранении ими в памяти генеалогических связей. Традиция арабских нарративных источников о племенах Киддат неоднократно вызывала сомнения исследователей, и поэтому к ней относились с осторожностью. Между тем, новейшие открытия в Южной Аравии дают возможность располагать документальными сведениями эпиграфических памятников, проливающими новый свет на судьбы этих племен. Новые данные в значительной степени подтверждают сообщения арабских историков эпохи халифата и согласуются с ними. У этих последних имеются сведения, которые в значи-

тельной своей части восходят к труду Ибн ал Кельби „Kitab muluk Kinda“, впитавшему две основные ветви традиции: первую — анонимную, южноарабскую, вторую — основанную на авторитете Хираша ибн Исмаила (Hiraš ibn Ismail).² Что касается Хамзы Испаганского, то он упоминает другой письменный источник — كتاب احبار كندة „Kitab ahbar Kinda“.³ Эту „Книгу истории киндитов“ никак нельзя считать той же, что и названная выше „Книга царей Кинда“ Ибн ал Кельби. Благодаря такой, вызывающей доверие письменной традиции многие сведения, сохранившиеся у арабских авторов, заслуживают доверия, а в настоящее время они находят подтверждение и в сабейских надписях.

Кинда — племена южноарабского происхождения; в Иемене они занимали восточную часть территории, где их центром был город Дамун, как об этом было известно еще Ибн Халдуну.⁴ Племена Киддат неоднократно упоминаются в сабейских надписях, число которых возросло благодаря экспедициям, проведенным Фильби, Ольбрайтом, Рикмансом и другими выдающимися специалистами — археологами и эпиграфистами. Следует считать установленным фактом, что часть племен Кинда, в связи со смутами, возникшими в Южной Аравии, была вынуждена переселиться и вклиниться в племена северных арабов. Данные надписей позволяют установить связь и зависимость киндитов от других государств и племенных союзов Южной Аравии. Отсюда они двинулись по древним дорогам на север, достигли Неджда, а затем распространились и далее — в области Ирака, Палестины, Финикии, Сирии. В центральной Аравии они заняли часть области, принадлежавшей племени Маад; их центром стал город Гамр ди Кинда (Gamr di Kinda) в юго-западной части Неджда, на расстоянии двух дней пути от Мекки.⁵ В настоящее время благодаря данным надписей можно с большой вероятностью определить, когда именно произошло это переселение.

Известно, что наиболее почитаемым киндитским царем над группой переселившихся на север племен, первым из династии, занявшей выдающееся положение, был Худжр Акил ал Мурар. До него, как считал Якуби, после переселения киндитов в области маадеев, по прямой линии царствовало не менее пяти царей, что составляет около 100—125 лет. На основании данных византийских хроник воцарение Худжра следует отнести к середине V в. Это находит подтверждение и в эпиграфическом материале. Анализ надписи Ру 535 в связи с упоминанием в ней Марулькайса, царя-лахмида, эпитафия которого из Немары относится к 328 г., показал, что нападение на „царя всех ара-

² G. Olinder. The Kings of Kinda. Lund, 1927, стр. 22.

³ Hamza Ispahanensis. Annales, t. I, textus arabicus. Petropoli, 1844; t. II, translatio latina. Ed. I. Gottwaldt, Lipsiae, 1848.

⁴ A. P. Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire des Arabes avant l'islamisme, t. II. Paris, 1847, стр. 264.

⁵ G. Olinder, ук. соч., стр. 32—34.

бов“ было осуществлено племенами Киддат, находившимися в подчинении у царей Ильшараха и Язиля.

Киндиты выступили против Марулькайса, достигли границ его владений, захватили его в городе Марабе около Хилала, потребовали заложников и получили добычу в виде верблюдов, коней и скота.

Когда могущество этих двух царей было сломлено и один из них двинулся на север к Неджду с племенами Азд, очень вероятно, что тогда же двинулась с ним и часть киндитских племен. Если за 100 или 125 лет до воцарения Худжра в середине V в. киндиты осуществили свое вторжение в области, принадлежавшие маадеям, то это совпадает со временем смут, возникших в Южной Аравии в начале IV в., когда царями Сабы и Зу Райдана одновременно считали себя члены двух разных династий, представленных Ильшарахом Яхзубом, с одной стороны, и Шамиром Юхарием, с другой. Наконец, в это же время цари Аксума оказали поддержку Шамиру, который стремился восстановить свою власть. Эфиопия также претендовала на подчинение ей Сабы и Зу Райдана.

Активное вмешательство эфиопских царей привело затем к захвату власти над Химьяром.⁶ В такой сложной политической обстановке положение киндитов определялось тем, что они были сторонниками Ильшараха и сражались по его приказанию. Возможно предположение, что ввиду полученной от Аксума военной помощи и поддержки, оказанной им законной династии в лице Шамира против „узурпаторов“ Ильшараха и Язиля, а затем и присоединения Химьяра к Аксуму, киндиты оказались в тяжелом положении и тогда если не все их племена, то во всяком случае какая-то часть их двинулись на север. И это тем более вероятно, что арабской традиции известно, как один из братьев царей после длительного междоусобия предпочел покинуть родину вместе с племенами Азд.⁷

Можно, следовательно, сказать, что движение киндитов на север, в области, занятые маадеями, было частью большого, длившегося веками процесса, в ходе которого имело место продвижение арабских племен в общем направлении с юга на север в пределах самого Аравийского полуострова и далее — в области Передней Азии. Переселение племен Кинда было лишь очередным звеном в общей цепи этих передвижений.

⁶ St. J. Philby. Notes on Ryckmans 535. Le Muséon, 1960, t. 73, 3—4, стр. 407.

⁷ J. Pirenne. L'inscription Ryckmans 535. Le Muséon, 1956, t. 69, 1—2, стр. 176. — Необходимо отметить, что проф. Г. Рикманс указал в самой краткой форме на то, что упомянутый в надписи Ру 535 Марулькайс не является героем эпиграфии 328 г. из ан-Немары, а был одноименным лицом, жившим веком раньше. Никаких соображений, подтверждающих это мнение, не выказано (Bibliotheca Orientalis, 1961, XVIII, 3/4, стр. 188).

Сабейские надписи свидетельствуют о том, что часть киндитских племен продолжала пребывать в Йемене,⁸ в то время как другая часть их заняла известное положение на севере Аравийского полуострова и среди арабских племен у границ Византии и Ирана.

В связи с передвижениями, миграцией арабских племен не только с юга на север, но и с севера на юг, следует отметить особую важность выводов, сделанных М. Хёфнер⁹ на основании появления в сабейских надписях термина 'rb как понятия „бедуин“, „кочевой араб“. Она ставит это в связь с волнениями и затруднениями, возникающими в I в. до н. э., и объясняет их полной „бедуинизацией“, т. е. появлением арабов — полностью кочевников (full Bedouins). Такое изменение зависело от технического момента — иного положения на верблюде седока, который пересел за горб, ближе к шее. Благодаря этому усовершенствованию было облегчено управление верблюдом, что и повысило военный потенциал арабов. Так как это изменение имело место на севере, как доказал В. Досталь,¹⁰ то оно и дало преимущество северным арабам над южными, чем объясняется мощный процесс „бедуинизации“ в этот период.

К середине V в. относятся сведения об Худжре Акил ал Мураре. Если в мелких подробностях сведения о Худжре у различных арабских авторов расходятся, то основное ядро сообщений о нем остается неизменным, а именно, что киндит Худжр царствовал над маадеями при поддержке и по желанию Туббы или Хасана ибн Туббы, и в том и в другом случае царя химьяритов.¹¹

В числе химьяритских царей тот же Хамза Испаганский называет Хасана ибн Амру ибн Тубба.¹² Табари с ссылкой на ибн Саида сообщает, что, по соглашению с представителями племени Кинда, Тубба ибн Кариб, „тот, что одел Каабу“, первым поставил Худжра в Хиджаз над племенами „Маад бану Аднан“. ¹³ Имя Хасана связывает эти сообщения арабских историков с Хасаном Юхамином, известным из южно-арабских надписей, относящихся к концу IV и началу V в. То, что он назван Тубба ибн Кариб, не противоречит этому сопоставлению, так как Хасан Юхамин был сыном Абкариба, имя которого могло быть сокращено, и он мог быть назван „ибн Кариб“. Худжр был направлен Туббой в Ирак الى العراق и „поселился в земле Маада“, утвердил свою

⁸ M. Höfner und H. Wissmann. Beiträge zur historischen Geographie des vorislamischen Südarabien. Wiesbaden, 1952, стр. 93, 115.

⁹ M. Höfner. Die Beduinen in den vorislamischen arabischen Inschriften. L'antica societa Beduina. Università di Roma, Studi Semitici, II, стр. 53—68.

¹⁰ W. Dostal. The Evolution of Beduin Life. L'antica societa Beduina. . . , II, стр. 11—34. — Рецензию см.: G. Ruckmans, Bibliotheca Orientalis, 1961, XVIII, 3/4, стр. 187—188.

¹¹ Hamza Israhānensis, ук. соч., т. I, стр. 14. (140).

¹² Там же, стр. 137 (132).

¹³ G. Olinder, ук. соч., стр. 39.

власть над маадеями, которые повиновались ему до самой его смерти. „В то время в Сирии царствовал Зияд ибн Хайюл“ — *وملك الشام يومئذ زياد بن الحيوالة السليبي*, принадлежавший к роду Салих, — ему были подчинены „сыны Джафана“. Джафаниды принадлежали к „дому Гафна“. Зияда из этого рода Салих убил Худжр. Известие это следует считать достоверным, так как упомянут источник, из которого оно почерпнуто, — из „Книги истории киндитов“ — *من كتاب احبار كندة*.¹⁴ Такая ссылка представляет интерес, так как говорит об использовании автором письменного источника. Тем более следует пожалеть, что в эту девятую книгу Хамзы вошли сведения лишь о двух киндитах — о Худжре и о Харите ал Максуре, которые едва занимают две странички арабского текста.

Из этих данных ясно, что киндиты могли утвердиться в областях Передней Азии, у границ Византии, лишь столкнувшись с родом Салих или Зоджома, как это видно из борьбы Худжра с Зиядом.

Сведения арабских хроник находят новое подтверждение в южно-арабских надписях, относящихся к концу IV и началу V в., в которых упоминается имя Хасана Юхамина, сына Абкариба Асада. Все основания предполагать, что Хасан Юхамин — то же лицо, что и Хасан ибн Тубба в хрониках.

В Неджде, на середине пути между Меккой и Риядом, у вади Масиль (*wadi Masil*) была найдена надпись, которая была дважды опубликована профессором Г. Рикмансом за номерами Ру 445 и Ру 509, с исправлениями и дополнениями. Надпись эта выбита на склоне базальтовой скалы в ознаменование похода, предпринятого „царями Сабы, Зу Райдана, Хадрамаута и Иеманата“ Абкарибом Асадом и его сыном Хасаном Юхаминем в долину Масиль Гумхан. Отцом Абкариба Асада и, следовательно, дедом Хасана Юхамина назван Маликкариб Юхамин, с таким же царским титулом (строки 1-я—4-я).¹⁵

Надпись Ру 509 дефектная, у нее нет конца и нет даты. Но имеются надписи тех же царей, которые могут помочь установить их дату правления. Так, надпись RES 3383 с датой 493 г. химьяритской эры, соответствующей 378 г. н. э., называет царя Маликкариба с сыновьями Абкарибом Асадом и Дариамаром Айманом.¹⁶ Маликкариб Юхамин восстановил титул сабейских царей около 375 г., после того как было свергнуто господство царей Аксума и „царь Сабы назвал себя так, как именовал себя Шамир Юхариш.“¹⁷ Второе имя Маликкариба, Юхамин, является также вторым именем его внука Хасана Юхамина. Другая надпись, которая может быть по времени близка надписи

¹⁴ Hamza Isphahanensis, ук. соч., т. I, стр. 140. (140).

¹⁵ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Le Muséon, 1951, t. 64, 1—2, стр. 100; 1953, t. 66, 3—4, стр. 304.

¹⁶ Répertoire d'épigraphie sémitique (RES), t. VI, № 3383, стр. 140.

¹⁷ St. J. Philby. Note on the last kings of Saba. Le Muséon, 1950, t. 63, 3—4, стр. 269—270.

Ry 509, — это Ry 534, найденная в Иемене, в Райде (Rayda), на дороге, ведущей в Амран.

Эта монотеистическая надпись (Ry 534) воздвигнута тремя лицами, названными в ней. Она сделана в честь „господа неба и земли“ (Рахманана), храм которого, очевидно, перестраивался или исправлялся. Ктитору или производившие эти работы лица делали их, выполняя данное ими обещание, „во спасение“ „своих господ“ lwfy | 'mr' hmw | Абкариба Асада и его сыновей Хасана (Юхамина), Шарахбиля Яфура и третьего сына, имя которого не читается (строки 2-я и 3-я).¹⁸ Издатель справедливо предполагает, что надпись Абкариба Асада, в которой он назван с сыном Хасаном Юхаминем (Ry 509), предшествует во времени той надписи, в которой, кроме Хасана Юхамина, упоминаются еще два его сына — Шарахиль Яфур и третий сын, имя которого не сохранилось (Ry 534). Дата надписи 543 г. соответствует 428 г. н. э. Хотя начало химьяритской эры в настоящее время относят за 115, 118 и даже 110 лет до нашей эры, профессор Г. Рикманс остается верным первому варианту — разнице в 115 лет. Таким образом, надпись Ry 509 относится ко времени до 428 г. Наиболее правильно отнести ее к первой четверти V в., а по мнению профессора В. Каскеля — ко времени после ирано-византийской войны 420—422 гг.¹⁹ В надписи Ry 509 говорится о том, что названные цари (Абкариб и Хасан) двинулись в поход в долину Масиль Гумхан и „пребывали“ некоторое время в этой земле whllw | 'rd. Выступили они с большим войском, так как в походе участвовали „их племена“ s'bhmw, а также племена Хадрамаута, Сабы и „бану Мариб“, причем перечисляются различные категории участвующих, — впрочем, недостаточно поддающиеся определению и переводу (строки 8-я и 9-я и комментарий к ним).²⁰ Кроме того, перечислены арабы Кинда (kdt), Сауд (swd) (строки 9-я и 10-я). Враги, против которых был направлен поход, не названы; возможно, они были поименованы в последующих строках, которые не сохранились, так как надпись дефектная. Высказывались соображения, что это не был военный поход, а передвижение, носившее характер обычной „миграции“.²¹ Иначе переводит и интерпретирует эту надпись Каскель, который считает, что цари со своим войском племен прибыли в северную Аравию и там расправились с теми, кто притеснял путешественников и грабил караваны, принуждая их откупаться. Поход и пребывание в этой

¹⁸ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes, Ry 534. Le Muséon, 1955, t. 68, 3—4, стр. 309—310. — К 449 г. н. э. относится надпись С. I. H. 540 царя Шарахбиля сына Абкариба Асада: Corpus Inscriptionum Semiticarum, pars IV, t. II, Parisiis, 1911, стр. 263, 266.

¹⁹ W. Caschel. Entdeckungen in Arabien. Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen, Heft 30, 1954, стр. 10.

²⁰ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes, Ry 509. Le Muséon, 1953, t. 66, 3—4, стр. 304, 307.

²¹ J. Ryckmans. Inscriptions historiques sabéennes de l'Arabie centrale. Le Muséon, 1953, t. 66, 3—4, стр. 328.

области Маасаль Гумах (Ma'sal Gumah; строка 5-я) должны были прекратить эти губительные для торговли Южной Аравии действия.²² В истолковании этой надписи у исследователей так и нет единства.

По нашему мнению, достаточно красноречиво само местонахождение надписи на древних путях из Сабы в Хиджаз. Поход, конечно, не был „миграцией“, да и самые „миграции“ никогда не осуществлялись мирно. Был ли поход предпринят только с целью испугать какие-то враждебные арабские племена, которые препятствовали движению торговых караванов, или надпись сообщает об этапе похода на лахмидов и персов, — и в том и в другом случае это был военный поход.

Очень вероятно, что этот поход был направлен на более отдаленные области — в Междуречье, Ирак. В нем участвовали многочисленные племена, в числе которых впервые были названы и киндиты, имевшие значительный вес в общем соотношении сил южных и северных арабских племен. Надпись Ру 509 позволяет предположить, что инициатива кампании против Хирты и, вероятно, против Ирана принадлежала царям Химьяра. От их лица составлена надпись, которая находится „далее, чем на половине пути между Зафаром и Ктезифоном“, а племена, совершающие поход, движутся, „спускаясь“ на север. Все это можно сопоставить с тем, что известно из нарративных источников, а именно, что военная экспедиция химьяритского царя была направлена в Ирак против Хирты и ее покровителя Ирана.²³ О полном успехе этого предприятия говорит огромная добыча, с которой возвратились арабы. Такие результаты дали военные действия, направленные не только против одних лахмидов, но и против государства сасанидов.

Греческие византийские источники не сохранили, однако, об этом сведений — для них борьба между арабскими племенами Междуречья и Сирии в данном случае сводилась к междоусобию киндитов, лахмидов, салихидов. Роль химьяритских царей им осталась не известна; они сохранили лишь имена сыновей Худжра, имена Мундаров и Нуманов, которые сменялись в Хирте.

Хасан ибн Тубба, поставивший над маадеями Худжра, по преданию, был тем царем, „который одел Каабу“, т. е. из богатой добычи, полученной им в Ираке, он драгоценными тканями покрыл древнее святилище арабов. Надпись Ру 509 упоминает его имя. Традиция делает Худжра Акил ал Мурара родственником царствующей династии химьяритов. Потомки тех и других были в свою очередь связаны браками.²⁴ Воцарение Худжра было обусловлено победами, успехом похода, после которого химьяриты хотели иметь своего ставленника и сторонника в качестве правителя мощных, воинственных маадеев и киндитов.

Интересно, что среди граффити, найденных профессором Г. Рикмансом в Саудовской Аравии в 1952 г., встретилось одно с именем Худжра.

²² W. Caskel, ук. соч., стр. 10.

²³ J. Pirenne, ук. соч., стр. 175.

²⁴ G. Olinder, ук. соч., стр. 40—41.

Эта надпись найдена у вадии Муссама (Nafud Musamma) у северо-восточного края массива Кара.

По палеографическим особенностям эта надпись может быть отнесена приблизительно к V в. В этой надписи назван hgr | bn | 'mrm | mlk | kdt — „Худжр ибн Амрум, царь Киддат“,²⁵ царь киндитов Худжр ибн Амру, известный в арабских хрониках как Худжр Акил ал Мурар, — еще одно документальное сведение об основателе новой династии Кинда на севере, при которой это племя стало особенно могущественным и сильным.

Таким образом, совокупность источников о киндитах позволяет установить некоторые факты их истории — как например, переселение части племени на север в середине IV в.; к первой четверти V в. относится воцарение Худжра над Маадом, — в то время, когда успешный поход химьяритов на север создал возможность их царю Хасану предоставить киндитам, верным и дружественным ему, господствующее положение в „земле Маад“.

Дальнейшее продвижение киндитов привело их к новым столкновениям, прежде всего с другими арабскими племенами. Лахмиды были им враждебны с первых же шагов, как и сасаниды, под покровительством которых действовали лахмиды. В других областях Передней Азии киндиты натолкнулись на сильный род Салих или Зоджома. Эти последние выполняли функции охраны византийских границ, укрепиться вдоль которых можно было только за счет рода Зоджома. Борьба киндита Худжра с принадлежавшим к роду Салих Зиядом и убийство этого последнего, о котором сообщает Хамза в приведенном выше тексте отражает действительное положение вещей. Киндиты утверждались, наступая на этот мощный род, с которым покончили, однако, не они, а сменившие их гасаниды.

Но в дальнейшем судьба киндитов, как она изложена в *Анналах Хамзы*, представляет интерес. В них нет истории Амра, сына Худжра и отца Харита. Справедливо предположение, что он был маленьким царьком над какой-то из ветвей племен Кинда, но не занял положения своего отца Худжра и также, вероятно, зависел от химьяритов.²⁶

Новые, блестящие страницы истории княжеского рода Кинда на севере связаны с именем Харита ибн Амра, того самого, которого византийские летописи называют Арефой Талабаном и отличают от Арефы, сына Габалы, гафнида. С киндитом Арефой и был заключен мир 502 г. при императоре Анастасии.

Киндит Харит ибн Амр упоминается в *Анналах Хамзы* дважды:

²⁵ G. Ryckmans. 1) *Inscriptions sud-arabes*. Le Muséon, 1956, t. 69, 1—2, стр. 152; 2) *Graffites sabéens relevés en Arabie Saudite*. Rivista degli Studi Orientali, v. 32. Scritti in onore de G. Furlani, 1957, стр. 557, 561.

²⁶ Hamza Ispahanensis, ук. соч., т. II, стр. 140 (140); G. Olinger, ук. соч., стр. 47, 50.

один раз в девятой книге, посвященной киндитам, и во второй раз в шестой книге, посвященной лахмидам.

В девятой книге Харит назван „ал Максур ибн Амр“, что является ошибкой, уже отмеченной исследователями, так как прозвание „ал Максур“ было присвоено не Хариту, а его отцу Амру, что известно из других источников.²⁷ Харит образовал свое государство в Неджде и был современником Кавада, „сына Пероза“, сторонника „зиндиков“. Под его властью был ряд племен, живших в Неджде, „и держал Харит царство над племенем Маад“ — *وبقى الحارث ملكا على قبائل معد*²⁸ до времени Аношервана.

В истории лахмидов Хамза называет Харита сыном Амра, внуком Худжра Акил ал Мурара и сообщает, что он захватил Хирту и господство в государстве лахмидов, обратив в бегство Мундара ибн Амрулькайса (Мунзира, Аламундара).²⁹ Захват Хирты киндитом связывается в Анналах с историей Пероза и Кавада. Неудачи Пероза в борьбе с эфталитами, его походы в Хорасан, пребывание Кавада в плену в качестве заложника и, наконец, склонность последнего к маздакизму — все это связывается Хамзой с тем фактом, что Харит с согласия шаха захватил власть над лахмидским государством. С победой Хосрова над маздакитами вновь становится царем лахмид Мундар, который восстанавливает свою власть над Хиртой и возвращает господство этой династии.

По сведениям Хишама, ссылающегося в этом случае, как и в ряде других, на своего отца, имя киндита Харита ибн Амра ибн Худжра в перечне царей Хирты не упоминалось. Традиция записи царей Лахмидского государства известна из ряда источников. Имя Харита в этих записях отсутствует, — это было тем более возможно сделать, что престол Хирты был будто бы отнят у Мундара, сына Амрулькайса, который затем вновь вернул себе царство. Имя захватчика, принадлежавшего другому роду — роду Кинда, было из этих записей изъято.³⁰

Преследуемый Мундаром, Харит обратился в бегство, его сыновья враждовали между собою, и власть киндитских царей пришла в полный упадок. Могущество и первенство перешли к семье Джабала ибн Ада ибн Рабийя ибн Моавиа. Джабала известен по византийским источникам как Габала. После него Анналы называют царями Мадикариба, его сына и внука Кайса.³¹

С большими подробностями, — в ряде случаев, возможно, и легендарного характера, — рассказывает о них Табари, сообщения которого даны с ссылкой на того же Хишама.

²⁷ G. Olinder, ук. соч., стр. 55.

²⁸ Hamza Israhānensis, ук. соч., т. I, стр. 140 (140).

²⁹ Там же, стр. 107 (107).

³⁰ Hamza Israhānensis, ук. соч., т. I, стр. 107—108 (107—108).

³¹ Там же, стр. 141 (141).

Киндит Харит ибн Амр ибн Худжр был племянником Туббы, сыном его сестры; он был послан Туббой с большим войском в области племени Маад, в Хирту и расположенные вокруг нее земли. Харит победил и убил Нумана ибн Амрулькайса ибн Закика, всю его семью и захватил его царство. В живых остался лишь один Мундар, сын Нумана. Таким образом, у Табари³² победа Харита была одержана над Нуманом, а не над Мундаром, который затем вновь вернул себе царство, как считает Хамза.

Легендарный и неопределенный характер арабской традиции может быть восполнен сведениями источников, более близких к событиям, — сирийских и греческих.

Хронографы кратко упоминают о нападениях арабов на области Византии. В одних случаях они называют их общим именем „скинитов“, определяя их как кочевников. В других случаях они называют их сарацинами или упоминают наименования племен, с которыми приходилось сражаться ромейским полководцам.

В 491 или 492 г. арабы напали на Эмесу — *Ἐμισαν τὴν κατὰ Συρίαν περιφανῆ μητρόπολιν* — „преславную митрополию Сирии“.³³ В начале царствования императора Зенона, которое приходится на 29 января 474 г., в монастырь, находившийся около Эмесы, вступил Авраамий будущий „многочтимый старец“. Через 18 лет он был вынужден его покинуть и уйти в Константинополь, так как в монастырь „пришли сарацины“ и захватили его — *περὶ τὸν ὀκτωκαιδέκατον τῆς ἡλικίας χρόνον Σαρακητῶν ἐπελθόντων πρὸ αὐτῶ μοναστηρίῳ ἀνέβη... εἰς Κωνσταντινούπολιν*.³⁴

К 497 г. (у Феофана — второй год царствования Анастасия) относится нападение арабов, принадлежавших к числу родов, возглавляемых „филархом Нааманом“, лахмидом, и подчиненных персам.³⁵ Они совершили нападение на Евфратезию. У селения Битрапса в Сирии они были разбиты стратигом Евгением, „усердным в слове и в деле“. Об этом нападении „варваров-скинитов“ известно и Евагрию, который говорит, что они напали с обеих сторон — в Месопотамии и со стороны Финикии и Палестины.³⁶ Но никаких подробностей и ничьих имен он не дает, так что не остается сомнений в том, что Феофан для своих сведений располагал другим источником, а не только одним Евагрием.

Вслед за рассказом о победе Евгения хронограф сообщает, что Роман, начальник войск Палестины, *Ῥωμανὸς τῆς ἐν Παλαιστίνῃ δυνάμεως ἀρχων*,

³² Th. Nöldeke. Tabari. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arabischen Chronik des Tabari. Leyden, 1879, стр. 148, 169.

³³ Kyriillos von Skythopolis, ed. Ed. Schwartz, Leipzig, 1939, стр. 243.

³⁴ Там же, стр. 244.

³⁵ Theophanes. Chronographia recensuit C. De Boor, v. I. Lipsiae, 1883, стр. 141.

³⁶ Evagrius. Historia ecclesiastica, III, 36. Ed. J. Bidez and L. Parmentier, London, 1898, стр. 135.

„муж отличный, рассудительный и выносливый“, захватил огромное множество пленных во главе с Огаром, сыном Арефы, называемым Талабаном.³⁷ Названный Ὁ γαρος ὁ τοῦ Ἀρέφθα τοῦ τῆς Θαλαβάνης ὀνομαζόμενον παῖς — лицо, известное и по другим источникам, — упоминается повторно тем же Феофаном, который знает Арефу, называемого Талабаном, отца Бадикарима и Огара.³⁸

Дважды упоминая Арефу с его родовым именем Талабан, автор хронографа тем самым хочет его отличить от его тезки, Арефы „филарха ромеев“. Арефа, прозываемый Талабаном, как и его сыновья Худжр-Огар и Бадихарим-Маликарим, принадлежал к киндитам, род которых имеет свою историю и упоминается в южноарабских надписях.

До своей победы над Худжром тот же Роман обратил в бегство другого „скинита“ по имени Габала, Γαβαλὰν ὀνόματι, который до его появления совершал набеги на Палестину. Наконец, тот же византийский полководец „в жестоких битвах“ освободил в 498 г.³⁹ остров Иотабу. Последний был захвачен арабами в 473 г. под предводительством Амрулькайса (Аморкеса), принадлежавшего к тем же киндитам. Налог с торговли товарами из Южной Аравии должен был теперь поступать Византии ἐξ Ἰνδῶν.⁴⁰

Известный факт захвата острова Иотабы в 473 г. Аморкесом (т. е. Амрулькайсом) не остался без последствий, хотя захватчик и получил звание филарха, вероятно „арабов Петры“, поскольку он сам об этом просил. Эти данные сообщены Малхом.

Прокопий, писавший свои „Персидские войны“ до 545 г.,⁴¹ возвращается не к этому событию, а лишь к описанию Акабского залива, города Аила и острова Иотабы. Нет сомнений, что ему известны события, рассказанные Малхом, но он сознательно о них не упоминает, как о событиях, недостаточно приятных для Константинополя. В противовес этому факту он сообщает, что на острове Иотабе издавна проживают иудеи, которые „во времена царствования Юстиниана стали подданными ромеев“.⁴² Этим самым Прокопий хочет польстить императору и тут же выдает то, что ему известно, — что было время, когда остров не подчинялся ромеям. Возвращение Иотабы под власть Византии хорошо известно и Феофану в связи с успешными походами Романа против арабов-скинитов.⁴³

Если последовательно проанализировать данные Феофана, то получается отчетливая картина попытки общего наступления византийских войск на кочевые арабские племена. Если в Месопотамии и у границ

³⁷ Theophanes, ук. соч., стр. 141.

³⁸ Там же, стр. 144.

³⁹ E. Stein. Histoire du Bas Empire, t. II. Paris, 1949, стр. 91.

⁴⁰ Theophanes, ук. соч., стр. 141.

⁴¹ B. Rubin. Prokopius von Kaisareia. Stuttgart, 1955, стлб. 81.

⁴² Procopius. De bello persico. Ed. Hauri, Lipsiae, 1905, стр. 101.

⁴³ Theophanes, ук. соч., стр. 141.

Сирии располагались племена, подчиненные лахмидам, то в Палестине и далее к западу арабские племена у берегов Эритрейского моря и на острове Йотабе принадлежали к киндитами. Но внимания заслуживает тот факт, что в это же самое время Габала, отец Арефы-Харита, принадлежавшего к роду гасанидов, совершал набеги на Палестину и вынужден был обратиться в бегство. Это был момент, когда со своей стороны гасаниды стремились занять место у границ Византии, тем самым вытесняя племена Кинда, но, как видно из приведенного текста, эти попытки далеко не всегда были удачны, так как в этой борьбе была и третья сторона — Византия, которая в свою очередь стремилась привести к повиновению арабов.

Постоянными врагами киндитов был род Даджама (Зоджома), к которому принадлежал и Зоком, известный по византийским источникам. Ни Даджама-Салих, ни киндиты не завоевали, однако, того положения, которое заняли после них гасаниды.⁴⁴

Враги Худжра, из рода Даджама-Салих, были до появления гасанидов „вассалами Византии“; с конца IV в. до конца V в. они оберегали границы Сирии для Константинополя.⁴⁵

Власть гасанидов стала возможной лишь после того, когда доминирующее положение было утеряно не только родом Салих, но и родом Кинда. Эти последние занимали длительно господствующее положение, имея в своем подчинении мощные племена, в том числе Маад, и опирались на приток живой силы с Аравийского полуострова, откуда они пришли. Оттуда же двинулись и гасаниды. Движения арабов в эти области Азии были постоянны и повторны, они завершились завоеваниями мусульман.

На четвертый год после предшествующих сообщений Феофана о победах Романа, которые следует отнести к 498 г.,⁴⁶ — следовательно, в 501 г. — сообщается о новом нападении арабов на Финикию, Сирию и Палестину. Эти набеги совершались под предводительством киндита Бадикарима, брата Огара-Худжра, наследовавшего последнему после его смерти. О Бадикариме (Маликариме) хронограф говорит, что он „подобно ветру напал на эти места и еще быстрее, чем нападал, удалялся с добычей, так что, преследуя их, Роман никогда не мог схватить врагов“.⁴⁷

Такие нападения для Византии были несомненно тяжелыми. В следующем же, 502 г., дипломатические усилия империи завершились успе-

⁴⁴ Th. Nöldeke. Die Gassanischen Fürsten aus dem Hause Gafna's. Adhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1887, стр. 8, 12.

⁴⁵ G. Olinder, ук. соч., стр. 45. — Развивая эти данные, выдвинутые Нельдеке и Олиндером, Кавар придает особое значение арабским князьям рода Салих, которые сдали свои позиции лишь к началу VI в., когда в 502 г. филархат был якобы захвачен гасанидами. См.: I. Kawar. The last days of Salih. Arabica, t. 5, f. 2, стр. 150, 158.

⁴⁶ E. Stein, ук. соч., стр. 191.

⁴⁷ Theophanes, ук. соч., стр. 143.

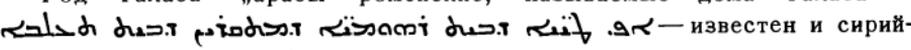
хом — был заключен мир с Арефой, „называемым Талабаном“. Чтобы уточнить то, что мир был установлен именно с киндитом Арефой, добавлено, что это был „отец Бадикарима и Огара“.⁴⁸ Видимо, и порядок наименования сыновей, сначала младшего — Бадикарима, потом старшего — Худжра, указывает на то, что последнего не было уже в живых и Бадикарим действовал, заменив своего брата.

Заключив этот мир, Византия могла рассчитывать на защиту от нападений персидских арабов.

Ряд событий связывается и другими источниками с именем Талаба или Талабан, принадлежавшим арабскому роду, который активно действовал против лахмидов, находясь под покровительством Византии. Споры относительно того, принадлежали ли талабиты к киндитам или гасанидам, не имеют значения. Ротштейн причислял Талаба к киндитским племенам.⁴⁹ И. Кавар считает его родом гасанидов. Ясно и хорошо написал еще ранее Т. Нельдеке, что следует оставаться верным традиции Хамзы, согласно которой первым привел гасанидов в Сирию Талаба ибн Амр, как утверждает и Ибн Кутейба.⁵⁰ Наряду с этим мать киндита Арефы Талабана считалась принадлежавшей к дому Гафна.⁵¹ Южноарабские надписи из Саудовской Аравии подтверждают эти связи. И те, и другие — выходцы из Хадрамаута.

Маадеи, над которыми воцарились представители киндитов, в общей вражде арабских племен жили под протекторатом лахмидов. Когда династия киндитов была разбита, то маадеи как бы вернулись вновь к прежнему положению и стали опять близки лахмидам. Достаточно вспомнить о том, что сообщает об этом Симеон Бетаршамский в своем послании.

Гасаниды вытеснили род Зоджома (Салих), а киндиты были вынуждены уступить им место и в провинции Палестина 3-я у Аила, и острова Иотабы. В большой надписи Абрахи (С. I. N. 541), относящейся к 543 г. н. э., упомянуты два брата Абукариб и Харит, отцом которых был Джабала (Габала), гасанид.⁵² Это свидетельство того, что гасанидам были вынуждены уступить не только салихиды, но и киндиты, так как Абукариб ибн Джабала был „филархом сарацин Палестины“ и областей, принадлежавших в прошлом Набатее.

Род Талаба — „арабы ромейские, называемые дома Талаба“ — — известен и сирийской хронике Иешу Стилита. В самый разгар войны 502 и 503 гг., когда шаханшах Кавад опустошил ряд областей Междуречья и осаждал Амид (с октября 502 г.), он неоднократно посылал войска пер-

⁴⁸ Там же, стр. 114.

⁴⁹ G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden in al-Hira. Berlin, 1899, стр. 91.

⁵⁰ Th. Nöldeke. Die Gassanischen Fürsten. . . , стр. 9.

⁵¹ Там же, стр. 6.

⁵² Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 322—323.

сидских арабов под командованием царя Наамана (Нумана), лахмида, для отдельных нападений. Так, 26 месяца Тишри второго (ноября) 502 г. Нааман проник со своими войсками с юга в области Харрана; грабил, брал в плен, разорял и дошел до самой Эдессы. В 503 г. персидские арабы двинулись к городу Хабору у одноименной реки. Но нападение отбил и их уничтожил дукс Калинника (Ракки) Тимострат. Еще более решительный удар был нанесен персидским арабам в самой Хирте. „Также и арабы ромейские, называемые талабитами (تالابيتا), отправились в Хирту Нааманову и нашли караван, который направлялся к нему (Нааману), и верблюдов, нагруженных для него. Они напали на них, уничтожили их и захватили верблюдов; в Хирте же они не остановились, потому что она удалась в глубь пустыни“.⁵³ Иешу Стилиит, как известно, был современником событий, которые он описывал. Следовательно, в 503 г. талабиты выполняли обязанности защиты византийских границ, и нападение на Хирту было действительным контрударом по лахмидам. Мир, заключенный при Анастасии с киндитом Харитом в 502 г., обеспечил это выступление подчиненного ему племени Талаба, которое в 503 г. совершило нападение на Хирту. Это разорение Хирты имело место еще при жизни Наамана, принявшего участие в битве с ромейскими войсками, которые возглавлял Патрикий. Хотя войска Византии отступили, перешли Евфрат и „спаслись в город Шамишат“ — Самосату, но в этой битве Нааман был ранен. „Распухла рана, которая была ему нанесена в голобу, и весь его череп воспалился. Он встал и пошел в свою палатку; эгой болезнью он болел два дня и умер“ в августе 503 г.⁵⁴ Кавад „поставил царя вместо Наамана“, но имя его не названо, как не назван и возглавлявший талабитов вождь. Таким образом, „воцарение“ Харита ибн Амра ибн Худжра в Хирте остается сообщением арабских хроник; во всяком случае не он был „поставлен“ Кавадом, а Абу Яфур.

Но сообщение о походе Харита в Хирту и разорении ее объясняет то, что в дальнейшем, став царем Хирты, Мундар, сын Наамана, продолжал борьбу с Харитом и убил его, как об этом сообщают источники.

Мундар (Мунзир, Аламундар), царь Хирты, заслуживает особого внимания, как выдающийся полководец и опытный политик: деятельность его сделала государство лахмидов центром, в котором решались судьбы арабских племен и государств всего Ближнего Востока. В данной статье роль Хирты и Мундара показана лишь в связи с историей рода Кинда, но она является столь значительной в отношении с Византией, что требует особой главы.

⁵³ Ioshua the Stilite. Chronicle. Ed. by W. Wright, Cambridge, 1882, § 57; Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Л., 1940, русский перевод хроники, § 57, стр. 153.

⁵⁴ Н. Пигулевская. Месопотамия..., § 58, стр. 153.

Особого анализа заслуживают события, обычно относимые исследователями к 528 г., — это борьба между лахмидами и киндитами, в которой приняли участие не только многочисленные арабские отряды, но и византийские войска.

Текст Малалы содержит следующие факты. Диомед, дукс Палестины, силэнтиарий, оказался во враждебных отношениях с филархом Арефой. Опасаясь его, Арефа „удалился во внутренние области, в Индики“ — ὁ δὲ Ἀρέτας, φοβηθεὶς εἰσῆλθεν εἰς τὸ ἐνδότερον λίμιτον ἐπὶ τὰ Ἰνδικά.⁵⁵ Известно, что „Индика“ у Малалы и у других византийских авторов этого времени обозначала не собственно Индию, а области Аравийского полуострова, чаще всего Южную Аравию. В этом случае речь могла быть и о центральных частях Аравии. Узнав об этом, „Аламундар, сарцин персов, набросился на филарха ромеев, схватил и убил его“. С Аламундаром было войско в тридцать тысяч. „Узнав об этом, император Юстиниан написал дуксам Финикии, Аравии и Месопотамии и филархам епархий, чтобы они выступили против него и преследовали его и его войско“. Выступавшие войска состояли из отрядов „филархов епархий“, которые перечислены в следующем порядке: „Арефа филарх, Гнуф и Нааман“. Далее названы собственно византийские полководцы — Дионисий, дукс Финикии, Иоанн, дукс Евфратезии, и хилиарх Севастьян, все они вместе с филархами выступили против Аламундара. Наступление такого количества войск испугало его, и в свою очередь глава персидских арабов бежал „в области Индики“ со своим арабским войском. Объединенные отряды византийских сил стали его преследовать, но захватить не смогли. Тогда они направились в области Персии — ἐπὶ τὰ Περσικὰ μέρη — и напали на его „палатки“, т. е. его лагерь, и „захватили множество мужей, женщин и детей, и каких нашли верблюдов, и всякий другой скот“. Они сожгли четыре персидских крепости, взяли в плен бывших в них арабов и персов и возвратились восвояси с победой.⁵⁶

Убитый Аламундаром „филарх ромеев Арефа“ был, конечно, киндит Харит ибн Амр, как это было отмечено еще Нельдеке и повторено другими исследователями.⁵⁷ В полном соответствии с возможностями Харита было „удалиться“ во внутренние области Аравии, с которыми он поддерживал связь, к ним были близки византийские провинции Палестина 2-я и 3-я. Интерес представляет и то, что Харит назван „филархом ромеев“, каковым он и был, выполняя функции охраны границ империи. Хотя дукс Диомед и был с ним в ссоре, но Харит, оставив свои обязанности и покинув „византийские пределы“, значительно ослабил положение империи, чем и воспользовался Аламундар.

⁵⁵ Ioannes Malalas. Chronographia. Ed. L. Dindorfius, Bonnac, 1831, стр. 434.

⁵⁶ Там же, стр. 434—435.

⁵⁷ Th. Nöldeke. Die Gassanischen Fürsten. . . , стр. 10—11; I. Kawar. The ast days of Salih, стр. 153.

Арабская традиция хранит смутное представление о вражде между Мундаром и киндитом Харитом ибн Амром, будто бы захватившим престол лахмидов. О нападении арабов рода Талаба, принадлежавшего к киндитам, известно из сирийской хроники. Возможно, что положение отдельных представителей лахмидских царей было поколеблено в период маздакитского движения. Во всяком случае Мундар воспользовался тем, что положение старого врага лахмидов Харита поколебалось. Когда Харит „удалился“ в Аравию, Мундар в 528 г. свел с ним счет, убив его. Если нельзя полностью доверять источнику, упоминающему о тридцатитысячной войске Мундара, то во всяком случае он выступил с многочисленными отрядами, которые не первый раз совершали поход в центральные области Аравии. Об этом сообщает приведенная ниже надпись, датированная 516 г. (631 г. сабейской эры). Действия лахмидов в 528 г. Византия считала опасными для себя.

Большое войско Мундара заставило императора Юстиниана принять срочные меры. Ближайшие территориально начальники византийских войск, распределенных по провинциям Финикии, Аравии и Месопотамии или Евфратезии, должны были срочно, по его приказу, двинуться на расправу с лахмидом. В походе должны были принять участие и арабские филархи.

В связи со спорами, которые возникли в последнее время вновь по поводу значения филарха, этот текст Малалы представляет особый интерес. Здесь названо несколько филархов по именам, а про Юстиниана говорится, что он обратился с приказом выступить к „филархам епархий“. Названные „филарх Арефа“, Гнуф и Нааман были этими филархами. Если убитый Аламундаром „филарх Арефа“ был Харитом ибн Амр киндитом, то второй, названный филархом Арефа, из числа сражавшихся против Мундара был гасанидом Арефой, сыном Габалы.⁵⁸ Это значит, что гасаниды уже вступили на путь связи с Византией. „Конец Салиха“, т. е. князей Заджома (Доджома), дал возможность гасанидам усилиться в самом начале столетия, теперь же ослабление и гибель наиболее сильного из рода Киддат (Кинда) открывали им новые пути к господству.

Организация Византией „варварской периферии“ носила особые черты. Племенная их организация ею не нарушалась, а как бы подвергалась известному контролю. Из текста Малалы очевидно, что филархов было несколько, не один, и все они были филархами в пределах отдельных территориальных единиц — епархий. Названные после „филарха Арефы“ Гнуф и Нааман, очевидно, тоже принадлежали к числу епархиальных филархов⁵⁹ и, как можно предполагать, были родственниками гасанидов, или принадлежали к их роду. Из числа филархов

⁵⁸ Th. Nöld e k e. Die Grassanischen Fürsten. . . , стр. 11; Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 322.

⁵⁹ Ioannes Malalas, ук. соч., стр. 435.

7 Палестинский сборник, вып. 9

своим положением выделялся Арефа; он и назван первым, но он не занимал какого-нибудь исключительного положения — оно досталось ему позднее, здесь же он лишь один из нескольких филархов.

Параллельный текст Феофана представляет интерес прежде всего своей датировкой. Систематическая ошибка в его хронологии дает возможность установить дату событий, записанных в ней под 6021 г., как 528 г.; не лишен интереса и характер сообщения Феофана, который не дает ни одного имени собственного, кроме имени Аламундара. Но все факты он передает в соответствии с тем, что сообщил Малала, значительно его сокращая, так что остается неизвестным, куда именно удалился „филарх ромейских сарацин“; сказано лишь, что он удалился „к внешней границе“ — εἰς τὸ ἑσώτερον ἕμιτον. Когда Аламундар обращается в бегство от войск, предводительствуемых дуксами Финикии, Аравии и Месопотамии, по именам не названными, как и филархом (в единственном числе), которые ему угрожали, он направляется „в области Индии, в которые еще никто из ромеев не проникал“.⁶⁰ В отличие от Малалы Феофан уточняет добычу, взятую византийскими войсками в его лагере, а именно — они захватили „тех пленных ромеев, которых (там) нашли, а также верблюдов, овец и быков, множество метаксы и одежды“ — πολλὴν μέταξιν καὶ ἱματισμόν. Это дополнение представляет особый интерес, так как указывает на торговые связи арабов, известные Феофану; „множество метаксы“ было, конечно, предметом торговли, доставлявшимся морским путем и караванами по „шелковой дороге“ из далеких областей Азии. Кроме того, византийские войска сожгли четыре персидских лагеря и „удалились с большой победой“. Таким образом, Малала и Феофан дополняют друг друга: хронология может быть восстановлена на основании сведений Феофана, а то, что эти события относятся к ослаблению и гибели рода Кинда, становится достоверным только из сообщений Малалы.

В эти годы значительно возрастает роль гасанидов; они оказывают услуги Византии в ряде случаев, как например в усмирении самарянского мятежа, в защите границ. Наконец, большое значение имело согласие этого рода принять христианство. В этом гасаниды последовали за родом Зоджома (Доджома), представители которого крестились, как это известно и о других арабских родах и семьях, о которых сохранились сведения у церковных писателей и агиографов — у Кирилла Скифопольского и у Иоанна Мосха в „Ламонарии“.

Возвышение рода гасанидов и особое положение, которое они заняли, было связано не только с падением Салих (Зоджома) и родом Киддат (Кинда), которые до гасанидов выполняли важные для Византии функции охраны ее восточной и юго-восточной границы. Существенное значение имела необходимость отражать особенно настойчивые нападения „персидских арабов“, которые грабили и разоряли население.

⁶⁰ Theophanes, ук. соч., стр. 179.

провинций, как с ведома и „по наущению“ персов, так и по собственному почину.

Наиболее богатый материал, как это видно и из приведенных выше данных, сохранился о Мундаре III, царе Хирты, известном византийским хроникам под именем Аламундара. Обычным добавлением к его имени было имя его матери Закика, и звался он Ἀλαμούνδαρος ὁ Σακικᾶς. О том, насколько путаной и неясной является генеалогическая традиция этого выдающегося „царя арабов“, сказано достаточно.⁶¹ Впрочем, и значение эти сбивчивые данные получают лишь в отдельных случаях, при сопоставлении с другими источниками.

Для данного вопроса интерес представляют прежде всего свидетельства Прокопия, которые в самое последнее время были взяты исследователями на подозрение. Тенденциозность Прокопия сказалась якобы в его характеристике Мундара, с одной стороны, и гасанида Арефы — с другой. Арефу он подозревает в лицемерии и предательстве и противопоставляет ему безупречно служившего интересам Ирана Мундара.⁶² Если в этих соображениях и есть элемент справедливости, к чему в дальнейшем еще придется вернуться, то во всяком случае факты, сообщаемые Прокопием, едва ли являются сомнительными, тем более что они подтверждаются и другими источниками. Если характеристика Мундара и носит черты преувеличения, то в основном приписываемые ему „подвиги“ хорошо известны, — такие, как участие в войнах Кавада, постоянные нападения, разорение византийских областей, полон большого числа людей. Поэтому характеристика действий Мундара у Прокопия близка к исторической действительности. Аламундар был, по его мнению, опытным в войне, умудренным и чрезвычайно деятельным. В течение пятидесяти лет он досаждал ромеям на протяжении от Египта до Месопотамии. Он разорял и сжигал дома, брал в плен тысячи людей, которых выдавал обратно за большой выкуп или убивал их. Его нападения были хорошо обдуманы, он заставлял врасплох и скрывался, забрав добычу. Если его преследовали, то он также внезапно нападал на ромейские войска, когда они не успевали еще приготовиться, — ἄλλ' ἔτι ἀπαρασκευοῖς τε οὔσι. Так, ему удалось взять в плен двух военачальников стратиотов — Тимострата, брата Руфина, и Иоанна, сына Луки. С Тимостратом у „персидских арабов“ были старые счеты. В 503 г., будучи дуксом Калиника-Ракки, он уничтожил их отряды, нападавшие на Хабор.⁶³ Военачальники были выкуплены ценой всего своего состояния.⁶⁴ Мундар был опасным и сильным врагом Византии. По мнению Прокопия, дело было в том, что Мундар,

⁶¹ G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmidin in al-Hira, стр. 75—87.

⁶² I. Kawar. Arethas, Son of Iabalah. Journal of the American Oriental Society, v. 75 (1955), стр. 211.

⁶³ Ioshua the Stilite, ук. соч., § 57; Н. Пигулевская. Месопотамия... русский перевод хроники, § 57, стр. 153.

⁶⁴ Procopius. De bello persico, I. 17, стр. 89.

имея „звание царя“, был единственным, правившим всеми арабами персидской державы, и поэтому он имел возможность нападать на любую область империи.⁶⁵

Такая характеристика, данная Мундару Прокопием, вызвала подозрение в том, что он не объективен и хвалит Мундара для того, чтобы оттенить отрицательную роль Арефы и его предательство в отношении Византии.⁶⁶ Это мнение нельзя, однако, признать справедливым, так как и другие источники, независимые от Прокопия, говорят о смелости и обдуманности нападений Мундара, о его храбрости, находчивости. Помимо того, чисто личная характеристика главы „ромейских“ арабов не представляет того особого интереса, который ей придают искусственно. Успехи оружия лахмидов, признание их значимости целым рядом государств Ближнего Востока, дипломатические связи, простиравшиеся до южной Аравии, — все эти данные говорят о значении Хирты, ее международном весе; личные же качества Мундара, отмечаемые источниками, отражают лишь положение, занятое государством, главой которого он был.

В этом отношении очень показательными являются свидетельства южноарабских надписей. Так, на середине пути между Зафаром и Ктесифоном у вади Масиль была найдена надпись Ру 510, датированная 516 г. (631 г. сабейской эры).⁶⁷ Она указывает на глубокое проникновение в области центральной Аравии лахмидов, с одной стороны, и сабейских царей — с другой.

Первое издание этой надписи было дано Г. Рикмансом,⁶⁸ а исторический комментарий — Ж. Рикмансом.⁶⁹ Эта надпись Ру 510 интерпретируется названными учеными следующим образом.

Мадикариб Яфур, царь Сабы, Зу Райдана, Хадрамаута, Иеманата со своими арабами гор и долин установили эту надпись в Масиль Гумхан в связи с тем, что к ним обратились за помощью арабы, „военные колонны“ (*colons militaires*). С ними сразился Мундар, „и они бились с ним“ (племена Сабы, Химьяра, Рахабатана, Хадрамаута, Иахэнна) „вместе с их арабами Киддат и Мазхидж“ — *wb'm/'rbhmw/kdt/wmdh/gm/* (строки 7 и 8), „вместе с бану Тулубат и Муззир“ — *wb'm/bny/t'lt/wmdg/.....* (строка 8). Месяц Зу-Кар, год 631 (516 г. н. э.).⁷⁰

Мадикариб, царь Сабы, известен по „Книге Химьяритов“ — это предшественник Зу Нуваса, которому предоставляла займы Рума.⁷¹

⁶⁵ Там же, стр. 90.

⁶⁶ I. Kawar. 1) Arethas, Son of Iabalab, стр. 215; 2) Procopius on the Ghasanids. *Journal of American Oriental Society*, t. 77 (1957), стр. 80.

⁶⁷ J. Ruckmans. *Inscriptions historiques sabéennes...*, стр. 327.

⁶⁸ G. Ruckmans. *Inscriptions sud-arabes*, Ry 510. *Le Museon*, 1953, t. 66, 3—4, стр. 307—310.

⁶⁹ J. Ruckmans. *Inscriptions historiques sabéennes...*, стр. 328 и сл.

⁷⁰ G. Ruckmans. *Inscriptions sud-arabes*, *Le Muséon*, 1953, 66, 3—4, стр. 307—310.

⁷¹ *The book of Himyarits*. Ed. A. Moberg, Lund, 1924, стр. 43—44а.

Муззир — это Мундар, царь лахмидских арабов Хирты (505—554). Истолкование надписи следующее. Арабы *qsdm*, что соответствует понятию „военные колонны“, терпели притеснения от Мундара; по их просьбе на помощь им пришли войска царя Сабы, состоявшие из различных южноарабских и бедуинских племен. Но ни места сражения, ни его результатов в надписи нет; это объясняется тем, что надпись поставлена до того, как войска Мадикариба встретились с войсками Мундара.⁷²

Существенное значение имеет перечисление племен, которое дано в надписи, в частности киндитов и племени Мазхидж, известного по письму Симеона Бетаршамского.

Однако и содержание надписи, очень краткое, и ее лапидарный синтаксис создают возможность различного ее истолкования. Так, профессор В. Каскель предложил другой перевод надписи, который рассматривает Мадикариба и Мундара как союзников, совершивших совместные военные действия против бедуинов, разбойничавших в областях, названных в надписи Масиль Гумхан и Катаа. Каскель читает так: „Царь Мадикариб Яфур ... со своими бедуинами гор и долин выгравировали эту надпись ради прогнанных ими разбойных бедуинов“, совершавших набеги. „Муддар также на них нападал“ — „Auch Mud-dirum hatte sie bekämpft“ (строки 5-я и 6-я). Они двинулись в поход „со своими племенами“ (*b's'bhmw*) Саба, Химьяр, Рахабатан, Хадрамаут и Ихн. Далее в надписи особо выделены „и их бедуины“ *wb'm/rbhmw* — Киддат и Мазхидж, „вместе с бану Таалабат, Муддар и Саба“. Выделение в тексте строк 7-й и 8-й „бедуинов“ и „сынов Таалаба“ связывает их теснее с Мундаром.⁷³ Грамматический анализ Каскеля не всегда убедителен, и с его толкованием трудно согласиться.

Для нашего исследования особенно существенно самое местонахождение надписи с именем Мундара в центральных областях Аравии. За то, чтобы считать, что все упомянутые племена принадлежали к войскам Мадикариба, говорит и самый текст, в котором трудно увязать имя Мундара в 5-й строке с бедуинами Кинда и Мазхидж в 7-й строке. Из других источников известно, что киндиты были враждебны лахмидам и что в начале VI в. их вражда приняла особенно острый характер. Возможно, что Мазхидж были дружественны лахмидам, поскольку сирийский епископ застал их в лагере Мундара в 524 г. н. э. Что касается *t'lbt*, то едва ли правильно чтение *Tu'lubat*: это хорошо известные таалабиты, в сирийском написании с „аином“, как это имеется и в сабейском (строка 8-я). О талабитах и их вражде с лахмидами речь была выше. Трудно поэтому связать их с Мундаром и считать, что они воевали под его началом, как это трудно предположить и относительно Кинда. В надписи *Ry 510* едва ли имеют место

⁷² J. Ryckmans. *Inscriptions historiques sabéennes...*, стр. 328.

⁷³ W. Caskey, ук. соч., стр. 11—13. Иначе переводит S. Smith (*Events in Arabia in the 6 c. A. D. Bulletin of the school of Oriental and African. 1954. v. 16, part 3, стр. 460—461*).

согласованные действия царя Сабы и царя Хиры; текст следует понимать как сообщение о враждебном походе южного царства на северное.

В 524 г. в лагере того же Мундара встретились посланцы Византии Авраам бар Еупорос и Симеон Бетершамский с „послом царя химьяритов“, который привез от него „полное гордости письмо“.

Весной 540 г. Хосров I начал военные действия и против Византии. Непосредственно перед этим тот же Мундар повел горячий спор с гасанидом Харитом за „Страту“.⁷⁴ Вопрос об этом конфликте между арабскими племенами заслуживает особого изучения и будет освещен в работе о племени гасанидов, тем более что он послужил одним из поводов к нарушению „вечного мира“ 532 г. между Византией и Ираном.

К 543 г. относится упоминание имени того же Мундара в знаменитой надписи Абрахи, в которой перечислены посольства, направленные к нему в Химьяр от различных государств.⁷⁵ От государства лахмидов к царю Южной Аравии был также послан представитель Мундара, названный наряду с посланцами двух братьев из рода Гасан Харита (Арефы) ибн Джабала (Габала) и Абукариба ибн Джабала. Не лишен интереса и тот факт, что имя Мундара предшествует имени братьев гасанидов и занимает, следовательно, более почетное место в надписи.

В свете данных Ру 510, надписи 516 г., которая говорит о глубоком проникновении лахмидских войск в области Центральной Аравии, не может вызывать удивления или недоверия сообщение о походе Мундара в эти области в 528 г., когда им был убит киндит Харит ибн Амр. Византийские войска двинулись против лахмидских отрядов, о чем сообщают греческие источники (см. выше). Тогда же империя была озабочена положением мелких государств и племен Аравийского п-ва у сиро-палестинской границы и у Акабского залива, о чем свидетельствуют повторные посольства, направленные к ним между 525 и 543 гг.

Подтверждением связей и интересов государства „персидских арабов“ в Центральной Аравии является надпись 547 г. (662 г. сабейской эры) Ру 506, высеченная от имени царя Абрахи. Она найдена у колодца Мурайгхан, в стороне от обычных дорог из Йемена и Хадрамаута в Мекку.⁷⁶

Надпись отмечает успех, одержанный в битвах, которые произошли далеко от места, где воздвигнута надпись. Содержание ее следующее. Племя Маадеев предприняло обычный весенний поход — *razzia*, и в то же время восстали все „бану Амирим“. Против тех и других царем Абрахой были посланы два военачальника, из которых Абгабар возглавил племена Кинда (Киддат), а Баширум, сын Хуснума, возглавил

⁷⁴ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 295—297, 326.

⁷⁵ *Corpus Inscriptionum semiticarum. Pars quarta. Inscriptiones himyariticas et sabaeas continens.* Т. II, f. 1, Parisiis, 1911; *Corpus Inscriptionum Himyariticarum*, № 541, строка 90.

⁷⁶ Мурайгхан находится в 170 км на юго-восток от Биши (Bisa) и в 130 км на северо-запад от Хима (Hima): J. R u s k a n s. *Inscriptions historiques sabéennes* . . . , стр. 339.

войска племени Саидум. Маадеи и восставшие Амирим были побеждены, они бежали, но были настигнуты, частью перебиты, взяты в плен и дали заложников.⁷⁷ „И после того“ *wb'dnhw/Amr* сын Мундира (*Mud-diran*) „дал им заложников“. [Мундар] послал своего сына, который был утвержден „правителем“ для Маада *wathlfhw /'ly/m'dm*.⁷⁸ Лахмид Амр, сын Мундара, известен также и как „сын Хинд“, по имени своей матери. После Мундара престол лахмидов перешел к нему (554—569). Истолкование этой надписи нам представляется несколько иным, чем данное предшествующим комментатором.⁷⁹

Амр, сын Мундара, „после того“ дал им заложников, т. е. гарантии были даны лахмидами за маадеев, которые совершили свою веселую разию недозволенным образом. Маадеи, как известно из других источников, были не только дружественны, но и в известной мере подчинены лахмидам.⁸⁰ Поэтому лахмиды могли пообещать регулировать и в дальнейшем поведение маадеев, после того как они поплатились за свой поход. Представитель лахмидов был поставлен их главой, что отвечало интересам и царя Сабы, так как создавало возможность держать это воинственное племя в повиновении. Лапидарный стиль надписи затрудняет лишь решение вопроса, кто был утвержден главой маадеев, Амр ибн Мундар или его сын. Судя по данному издателем надписи переводу, он предполагает, что Мундар поставил главой маадеев своего сына Амра,⁸¹ тогда как комментатор считает, что это положение было занято сыном Амра.⁸² Очевидно, что Амр был поставлен во главе племени маадеев, тем более что никакого другого имени в надписи не названо. Если бы был действительно поставлен сын Амра, то он был бы назван по имени в этой достаточно обширной надписи.

Истолкование этой надписи другими исследователями близко к первому переводу. Значительное расхождение имеется в датировке надписи.⁸³

Профессор Каскель несколько меняет перевод: бану Амирим занимались тем, что грабили на дорогах (строка 3-я), указывает он, и потому были наказаны Абрахой. Кроме того, им предложена другая хронология, так как он относит начало сабейской эры не к 115 г. до н. э., а „на 2, 3 года раньше“. В таком случае посольства к Абрахе, засвидетельствованные в надписи С. I. N. 541, придется не на 543 г., а на 539/540 г. Поход Абрахи в центральные области Аравии (Ру 506) имел место в 544/545 г. Таким образом, Каскель произвольно вводит поход

⁷⁷ G. Ruckmans. *Inscriptions sud-arabes*, Ry 505. Le Muséon, 1953, t. 66, 3—4, стр. 278.

⁷⁸ Там же, стр. 284.

⁷⁹ J. Ruckmans. *Inscriptions historiques sabéennes...*, стр. 341—342.

⁸⁰ Н. Пигулевская. *Византия на путях в Индию*, стр. 235.

⁸¹ G. Ruckmans. *Inscriptions, sud-arabes*. Le Muséon, 1953, t. 66, 3—4, стр. 278, 8-я строка надписи, и стр. 283.

⁸² J. Ruckmans. *Inscriptions historiques sabéennes...*, стр. 341.

⁸³ A. F. L. Beeston. *Notes on the Mureighan Inscription*. *Bulletin of the school of Oriental and African Studies*, 1954, v. 16, p. 2, стр. 391—392.

Абрахи в „общую схему“ войны Византии и Ирана в 540—546 гг., в которой химьяритское государство и Абраха были на стороне Византии.⁸⁴ Как бы то ни было, но поход Абрахи в области Центральной Аравии, засвидетельствованный этой надписью Ру 506, делает еще более возможным и вероятным его поход на Мекку „в год слона“. Эта надпись подтверждает и широкие связи государства лахмидов, военная активность которого у границ Византии объясняет в значительной степени ее политику в отношении других арабских племен и государств, как и возвышение рода гасанидов.

В первой четверти VI в. положение киндитов, представлявших „ромейских“ арабов, на основании целого ряда источников может быть охарактеризовано как прочное. Киндиты были оплотом Византии против других арабских племен и особенно против лахмидов. Государство последних занимало выдающееся место среди других государств Ближнего Востока, а его царь Мундар III (Аламундар) осуществлял активную военную политику на пространстве от берегов Тигра до Средиземного моря у Антиохии, от Эдессы и Амида до вадии Масиль и Мурайхан в центральной Аравии. В Хирте плелись сети политических интриг, которые имели целью воздействовать на государства химьяритов и эфиопов. Лохмиды объединяли под своей рукой „всех персидских арабов“, они возглавляли в Аравии мощное, воинственное племя маадеев.

С государством Хирты и пришлось столкнуться филархам Византии из рода Киддат (Кинда), а затем сменившим их филархам из рода гасанидов. Возвышение этих последних происходило в процессе постоянной борьбы, войн и походов, занимающих свое очень существенное место в истории. Привлечение новых материалов, детальный анализ разноязычных источников позволяет по-новому, в полной мере оценить политическое положение на Ближнем Востоке в столетие, предшествующее возникновению ислама.

N. V. Pigulevskaya

KINDITES ET LAHMIDES AU VS. ET AU COMMENCEMENT DU VISS.

Les sources grecques, arabes ainsi que les inscriptions sud-arabes récemment découvertes prouvent que la tribu des Kinda, liée aux tribus des Ma'd au Nedjd, était hostile aux Lahmides de Hira. Les Kindites ont foulé les Salihides et jouaient un rôle considérable comme confédérés de Byzance au V et au commencement du VI^s, quoique pas toujours soumis. Dans l'intérêt de l'empire ils combattirent „les arabes persans“.

Les Gassanides ont achevé les Salihides, mais leur position de philarches principaux de l'empire à sa frontière n'était assurée que lorsque les philarches Kindites diminués et dispersés ont dû céder à eux leurs places de fédérés de Byzance.

⁸⁴ W. Caskel, ук. соч., стр. 30. В. Rubin. Das Zeitalter Justinians, 1960, Berlin, p. 318.—F. Altheim, R. Stiel. Finanzgeschichte der Spätantike. Frankfurt am Main. 1957, p. 144—145.